

Иероглифы в кино писать неинтересно

Иван Дыховичный между «Крестоносцем-2» и «Копейкой»

Общая газета. - 1998. - 27 авг. - 2 сент. - с. 10

— Почему вы, такой, по общему мнению, эстет и сноб, согласились участвовать в коммерческом проекте Ассоциации каскадеров?

— Я, конечно, ощущаю себя эстетом, но никак не снобом, я никогда ни к чему не подхожу с высокомерных позиций. С удовольствием снял бы не только комедию, как «Крестоносец-2», но и детектив — это зависит от обстоятельств и возможностей.

— Выходит, у вас всегда было желание снять жанровое кино?

— И большое. Я же был комедийным актером в театре. И многие тогда очень удивлялись, увидев, какое кино я стал снимать. Сейчас они удивляются снова, хотя все очень понятно: зачем мне загонять себя в какую-то узкую нишу и всю оставшуюся жизнь из нее никуда не высовываться? Вообще-то по натуре я — брётёр. Но я ни перед кем не встаю в позу, никому ничего не доказываю — только самому себе.

— Что вы доказывали себе, пачав снимать «Крестоносца-2»?

— К этому просто привела цепочка хитросплетений. На самом деле я хотел и хочу снимать фильм «Копейка» по сценарию Владимира Сорокина. Но денег, естественно, взять негде. Особенно после «Музыки для декабря», когда критики писали, что я снимаю картины не для широкого зрителя. Надо быть глухим и слепым, чтобы стать моим спонсором. Хотя я уверен, что «Музыка

для декабря» просто вышла несколько раньше, чем следовало. Я, собственно, никогда не делал фильмов для какой-то касты «умных людей». Именно они, как правило, ничего не понимают: в картине видят не сюжет и героев, а иероглифы. Мне же иероглифы писать неинтересно.

По замыслу «Копейка» — это фарс. Постановочный, недешевый. Сюжет охватывает 30 лет — от начала 70-х. 20 новелл, через которые проходит история одной машины — той модели «Жигулей», которая называется «копейка». Много возможностей показать стиль жизни разных людей, через чьи руки проходит эта машина. По сути, это актерская картина. И там будет много популярной музыки.

— Еще одни старые песни о главном?

— Мне не хотелось бы напоминать, что я участвовал в разработке идеи «Старых песен». Я несколько не ревную к тому, что получилось. Но, на мой взгляд, можно было бы сделать и лучше, и глубже. Однако для Нового года, наверное, большего не требуется. На этом, собственно, мы и разошлись с Эрнстом — мне хотелось делать кино, а не новогоднее шоу...

— А что же за хитросплетения свели вас с Ассоциацией каскадеров и их «Крестоносцем»?

— В «Копейке» опять же должно быть много автомобильных

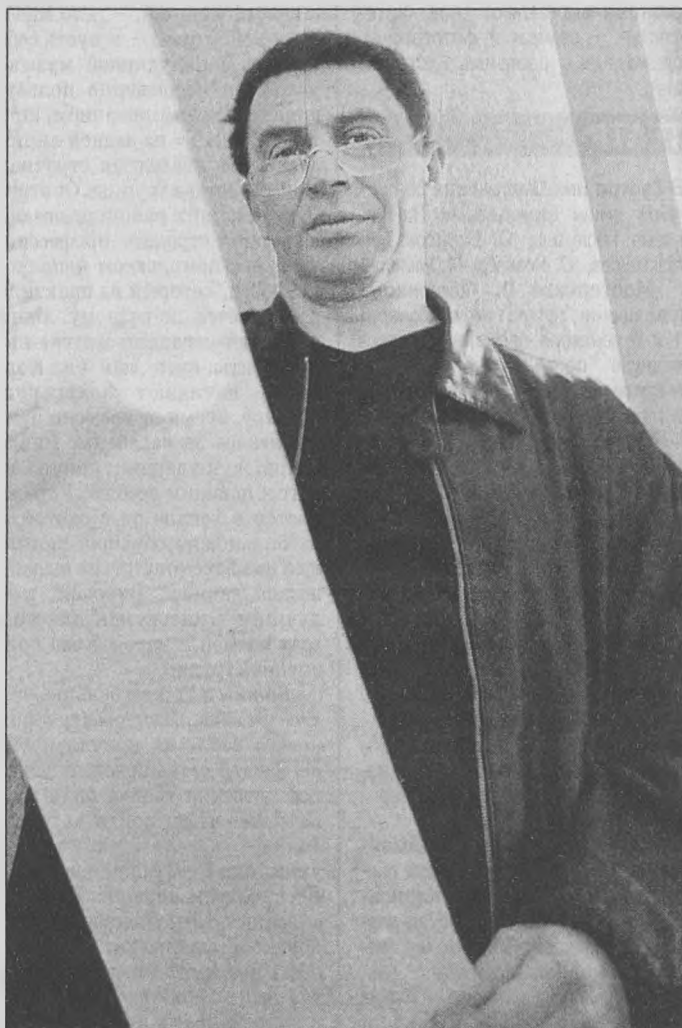
трюков. Я им принес сценарий, и он понравился. Но сначала меня попросили разобраться с материалом фильма, который у них не получился — «Граф Парижский» по Вальтеру Скотту. Я предложил им вместо этого снять пародию на то, как снимаются рыцарские картины. Мне кажется, это актуально: у нас в стране есть сейчас какая-то странная тяга к тем эпохам, которые мы не прожили, — новые русские строят дома в стиле средневековых замков, старые московские особняки евроремонтируются под готику... По сюжету, героя-каскадера люди из силовых структур, отмывающие деньги на «воспитании юношества», заставляют сниматься в кино.

— Можно отчасти увидеть в этом и пародию на вашу жизнь: вы хотели снимать «Копейку», а получили заказ на «Крестоносца». Какова же судьба предыдущего замысла?

— Пока никакая. За это время у Ассоциации каскадеров возникли какие-то проблемы, и на «Копейку» у них денег нет. Я не в обиде на них: хотели как лучше, а получилось как всегда. Но любой опыт, по-моему, во благо. Мне не стыдно за снятую картину.

— Как вам работало с актерами определенной школы — создателями образов положительных советских героев?

— Профессионалы всегда остаются профессионалами. Я раньше не работал с Николаем Еременко,

PREMIER

Василием Лановым, Виктором Павловым, и мне, кажется, удалось представить их в совершенно неожиданном качестве. Может, впервые они играли характерные роли, при этом еще и иронизируя над собой.

— Прошу прощения за не слишком вежливый вопрос. Но не осталось ли у вас привкуса халтуры от работы над «Крестоносцем-2»?

— Ни малейшего: фильм не пошлый и не гадкий, веселый. Конечно, проект этот возник в моей жизни странным образом, но я не собираюсь скрываться под псевдонимом. Только пытался предложить другое название, потому что этот фильм к «Крестоносцу-1» никакого отношения не имеет. Но потом подумал: зачем мне так жеманиться, пусть люди посмотрят «Крестоносца-2» и сами все поймут. Про актеров я уже сказал, но и вообще никто из группы не делал эту картину левой ногой: музыку, к примеру, написал один из самых интересных современных композиторов Антон Батагов, с которым мы делали «Женскую роль» и «Музыку для декабря», а снимал фильм замечательный молодой оператор Осадчий — может, лучший в своем поколении. На самом деле, если бы обстоятельства были другими, я даже был бы не прочь продолжить этот опыт.

— Какие обстоятельства вы имеете в виду?

— Те простые обстоятельства, что деньги на все свои фильмы

мне приходится искать самому — это очень трудно, поверьте.

— Правда ли, что у вас есть проект эротического фильма?

— Правда. Под этот проект, кстати, уже есть деньги. Но ведь «Прорву» тоже можно назвать фильмом эротическим — там весь сюжет основан на чувственности.

— Сколько проектов у вас не реализовано?

— Много. «Преступление и наказание» по сценарию Юрия Арапова, на которое я даже запустился и уже с оператором Вадимом Юсовым выбирал натуру, а Дюпартъ взялся читать сценарий, но фильм был закрыт. ТВ Центр рассматривает проект фильма о Ханжонкове по сценарию Арифа Алиева — кажется, будет возможность его реализовать. Мне очень хотелось снять фильм про Набокова к столетию — никто не дал ни рубля. «Копейка» — сейчас главный мой нереализованный проект.

— Считаете ли вы, что наше время уже успело выработать эстетику своего отражения в кино?

— У меня есть довольно нахальная теория: не время влияет на искусство, а наоборот — искусство на время. «Музыкой для декабря», по-моему, мне удалось кое-что сформулировать. Показать людей, которые долгое время не имели возможности жить своей, отдельной жизнью. И вот произошли перемены, они остались каждый наедине с самим собой. Это оказалось для них одновре-

менно и радостью, и горем — потому что перемена слишком резкая. Разве все победы коммунистов на выборах не доказывают, что я был прав в своей формулировке: в нашей стране, с ее общинным сознанием, западный тип жизни психологически далеко не всем подходит.

— Так что же, из-за этого надо восстанавливать советскую власть?

— А сейчас власть какая? Куда же эта самая советская власть с понедельника должна была деться? Она здесь, на месте. И советское сознание тоже. Недавно я пришел во ВГИК и предложил студентам поспимать для моей передачи минутные видеосюжеты — о жизни моста, о пешеходах и т.п. Сказал, что готов заплатить от 200 долларов до 1000. Думаете, мне кто-нибудь принес сюжет? Никто.

— В мире кино категории обозначаются звездочками. Насколько вы ощущаете себя звездой?

— Да не озабочен я примеркой на себя категорий Вселенной. Как известно, звезда сегодня очень часто является простым порождением дурного вкуса. У меня есть двое детей, и я стремлюсь к тому, чтобы им не было стыдно за меня и мои фильмы. Может, это на чей-то вкус звучит пафосно. Но угождать вкусу этого человека я не собираюсь.

Беседовала Ирина ЛЮБАРСКАЯ